

Даже и в «Бесах», несмотря на пламенные рассуждения о Христе, действующие лица говорят «все-таки не совсем православно, не святоотечески, не по-церковному...», так что христианство у Достоевского и в этом романе тоже какое-то «неопределенно-евангельское». И в «Братьях Карамазовых», где Достоевский изо всех сил «пытается выйти на **настоящий церковный** путь», многое не то и не так: монахи говорят совсем не то, что надо, и не так, как надо; мало говорится о богослужении и монастырских послушаниях; нет ни одной церковной службы, ни одного молебна; и постник Ферапонт почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо; и от тела Зосимы **для чего-то** исходит **тлетвор-**

¹² Там же. С. 145–146.

ный дух. «Не так бы, положим, обо всем этом нужно было писать...»¹²

Вслед за К. Н. Леонтьевым современные исследователи (тоже, видимо, в поисках **настоящего** православия) применяют к вере Достоевского нормативы «веросознания» леонтьевского образца. Того самого «твердого, правильного веросознания», на фоне которого и в сравнении с которым «розовое» христианство Достоевского (с культом любви и мировой гармонии) осознавалось прежде (самим Леонтьевым) и осознается теперь (религиозными литературоведами) как недостаточно церковное. С той, пожалуй, только разницей, что Леонтьев вообще не увидел у Достоевского ни осанны, ни христорожденья, а современные религиозные критики Достоевского лишают его веру «твердого основания» пока только на важнейшем этапе 1854 года, когда был сформулирован «символ веры».

«Все помнят **так называемый** “символ веры” Достоевского, — обозначает свое отношение к предмету разговора Т. А. Касаткина, — из его к **высшей степени странного** письма к весьма **необычной** корреспондентке <...> Действительно, в этом описании (“ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее”) нет ни одного определения, выводящего

¹³ Т. А. Касаткина. «Христос вне истины» в творчестве Достоевского. — «Достоевский и мировая культура. Альманах». № 11. С. 113–114.

Христа за те пределы, в которых может быть описан “вполне прекрасный человек”. Именно поэтому и возможна вторая часть “символа веры”, противопоставляющая истину и Христа». Христос вне истины — это, полагает автор, Христос «вне своей божественной сущности, вне бессмертия»¹³.

Выражение «Христос вне истины», вычлененное из символа веры Достоевского, а также из общего контекста его письма, и прочитанное как «Христос вне

¹⁴ См. об этом: Ф. Г. Никитина. Достоевский против Гегеля. — Достоевский и мировая культура. Альманах. № 20. СПб., «Серебряный век», 2004. С. 132–147.

своей божественной сущности», выступает, таким образом, как синоним неверия. Дескать, Достоевский довольствуется здесь всего лишь «гуманистическим», а не «церковным» Христом, «положительно прекрасным человеком», а не сыном Божьим. Тем Христом, которого Достоевский знал, читая Гегеля или Штрауса¹⁴. Тем «безжизненно-всепрощающим Христом», которого, по мнению Леонтьева, Достоевский «сочинил» в ущерб истине.

Но странно: упрекая Достоевского в неверии, в приверженности секулярно-